

ТАХИРА МАФИ

ТАХИРА МАФИ

БЕЗДНА
МЕЖДУ НАМИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М35

Серия «Любовь, звезды и все-все-все»

Tahereh Mafi

A VERY LARGE EXPANSE OF SEA

Перевод с английского Ю. Фокиной

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Writers House LLC и Synopsis.

Мафи, Тахира.

М35 Бездна между нами : [роман] / Тахира Мафи ; [перевод с английского Ю. Фокиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 288 с. — (Любовь, звезды и все-все-все).

ISBN 978-5-17-114002-1

Шестнадцатилетняя Ширин отличается от своих сверстниц только одним — она носит хиджаб. И этого вполне достаточно, чтобы бросать ей едкие замечания и колючие взгляды, превращая умную, талантливую и яркую девушку в изгоя. Все, что Ширин может сделать, — возвести вокруг себя высокие стены, отгородившись от окружающих...

...По крайней мере до тех пор, пока в ее жизни не появляется Оушен, звезда баскетбольной команды, любимец всей школы. И кажется, он действительно интересуется Ширин и хочет узнать ее лучше. Но сможет ли она вновь научиться доверять людям и впускать их в свою жизнь? Или их еще не начавшиеся отношения обречены на провал и непонимание со стороны семьи и друзей?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Tahereh Mafi, 2018

© Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-114002-1

Глава 1

Конца нашим переездам не было, а сами переезды предпринимались родителями с единственной целью — изменить жизнь к лучшему. Этакие удары хлыста, только не по телу, а по эмоциям. Не успеваешь сообразить. Не успеваешь, фигурально говоря, втянуть голову в плечи. Названия школ перепутались, частично испарились из памяти. Пока речь шла о начальной и средней школе, я держалась. Но на сей раз мне предстояло поступить в *третью* по счету старшую школу. Честное слово, лучше смерть. Бешенство накапливалось, бродило во мне, набухало. Я думала: только бы вытерпеть, не разомкнуть губ, не выдать чувств — не то меня надвое разорвет.

Потому и молчала.

Заканчивался август. Зной убывал, времена-ми налетал ветерок. Я оказалась среди хрустких от крахмала рюкзаков, среди ровесников в жестких джинсах. Ровесники пахли теплым пластиком и казались довольными жизнью.

Я вздохнула и заперла шкафчик.

Начинался очередной первый-день-в-новой-школе-нового-города. Для таких случаев у меня была разработана программа: ни на кого не смотреть. Меня-то саму взгляды постоянно сопрово-

ждали; если я поднимала глаза, глядевший считал, что имеет право со мной заговорить. Практически во всех случаях говорили гадость или глупость (часто и то и другое). Я давно решила: проще делать вид, что окружающих не существует.

Первые три урока я умудрилась высидеть без существенных инцидентов, хотя единственной проблемой на тот момент было ориентирование в школе. На четвертый урок пришлось тащиться в другой корпус. Я пыталась вычислить местонахождение кабинета, вычеркивала номера в новеньком расписании, когда раздался звонок. Толпа самоликвидировалась, я вдруг осталась одна в пустом коридоре. Пальцы сами собой скомкали расписание.

Кабинет я все-таки отыскала. С опозданием на семь минут. Толкнула дверь, увидела, как на скрип повернулись все до единого ученики. Учитель застыл с открытым ртом, с выражением лица, не успевшим трансформироваться в откровенную досаду.

Уставился на меня.

Я отвела взгляд и поспешила сесть на ближайший свободный стул. Достала тетрадку. Вцепилась в карандаш, как в соломинку. Я едва дышала. Когда они отвернутся наконец, когда учитель продолжит уже разглагольствовать?

Внезапно он кашлянул и заговорил:

— Итак, повторю: наша с вами программа предполагает изрядные объемы к самостоятельному прочтению, и у тех, кто недавно в нашей школе... — он сделал паузу, заглянул в список учени-

ков, — эти объемы, да и насыщенность учебного плана в целом могут вызвать известные затруднения. — Он замолчал, словно колеблясь. Вчитался в список. И без перехода выдал: — Прошу меня извинить, если я ошибусь в произношении. Твое имя — *Шэрон*?

Он смотрел мне прямо в глаза.

— Нет. Ширин, — ответила я.

Снова все обернулись ко мне.

Мистер Веббер — так его обозначили в расписании — не потрудился произнести мое имя правильно, только бросил:

— А. Добро пожаловать.

Я не ответила.

— Надеюсь, — он опять заговорил с улыбкой, — ты понимаешь, что в этом классе английский язык и литература преподаются на высшем из трех возможных уровней?*

Ну и как реагировать? Какого ответа он ждет — и ждет ли вообще? Я ограничилась простым «да».

Мистер Веббер кивнул и усмехнулся:

— Милая, похоже, ты классом ошиблась.

Хорошо было бы сказать: «Я вам не милая. И вообще, не судите по внешнему виду». Однако я проговорила только:

* Старшеклассники в США сами выбирают уровень изучения предметов. Один и тот же учащийся может, допустим, посещать занятия по математике по упрощенной программе, а занятия по химии — по программе углубленного изучения. Понятия «класс как коллектив» не существует, на всех уроках состав учащихся разный, в том числе и по возрасту. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Нет, не ошиблась.

И протянула смятое расписание.

Мистер Веббер качнул головой. Усмешка его никуда не делась.

— Не переживай, ты не виновата. С новичками такое случается сплошь и рядом. Кабинет английского для иммигрантов находится на первом...

— Я по адресу попала, мистер Веббер. По адресу.

Прозвучало резче, чем мне хотелось. Но я постоянно попадала в похожие ситуации.

Можно говорить вообще без акцента. Можно повторять как попугай: я родилась в *Америке*, английский — мой родной язык, иранские родственники смеются над моим неуклюжим фарси, над моими американскими интонациями... Толку — ноль. Всем почему-то кажется, что я вчера высадилась из лодки, которая через шторма и волны доставила к благословенным берегам очередную партию беженцев.

Усмешка наконец-то сползла с его физиономии.

— Вот как. О'кей.

Вокруг захихикали. Я покраснела. Открыла наугад чистую тетрадь. Может, этот жест — переход к учебному процессу — и впрямь отвлечет от меня внимание?

Не отвлек. Мистер Веббер поднял руки, будто зывал ко мне.

— Послушай меня, милочка. Лично я — как учитель — совсем не против, чтобы ты осталась в моем классе. Но пойми: здесь будет читать-

ся курс для продвинутых учащихся. Не сомневаюсь, что ты и в самом деле свободно говоришь по-английски...

— По-английски я говорю не просто *свободно*, а охренеть до чего свободно.

Остаток урока я провела в директорском кабинете.

Выслушала немало интересного о том, какого поведения ждут здешние преподаватели от своих студентов. Уяснила: буду «враждебно настроенной» и «несговорчивой» — придется мне искать другую школу. Узнала: использовать жаргонные и ругательные выражения в классе строго запрещено. Директор меня отчитывал до самого звонка. Потом наконец-то отпустил. Я схватила рюкзак и выскочила из кабинета как ошпаренная.

А вот спешить мне было некуда. Где бы укрыться? Оставалось еще два урока, а лимит терпения на сегодня я исчерпала.

С подносом, на котором громоздился ланч, я заперлась в туалетной кабинке. Села на унитаз, поднос разместила на коленях, голову стиснула ладонями. Зажужжал телефон.

Сообщение от брата.

Ты что делаешь?

Ем.

Черт. Где? Где ты спряталась?

В туалете.

Зачем?!

А что еще делать целых 37 минут?

Смотреть на людей?

Брат посоветовал мне прекратить валять дурака, а еще написал, что он тут кое с кем успел подружиться и они ждут меня, чтобы поесть всем вместе. Понятно: на брата запали несколько девчонок. Что красота значит.

Я написала:

Нет, спасибо.

Затолкала поднос с ланчем в мусорку. Остаток большой перемены провела в библиотеке.

Брат старше меня на два года. Почти все время мы с ним попадаем в одну школу. Только брат воспринимает наши переезды спокойно; как правило, ему на новом месте комфортно, не то что мне. Между нами два огромных отличия. Во-первых, мой брат очень хорош собой; во-вторых, у него на лбу не написано неоновыми буквами: «ОСТОРОЖНО: ТЕРРОРИСТ!»

И да — девчонки за ним бегают толпами с писком: «Ах, этот новенький — такой красавчик!» С чуть ли не героическим прошлым и легкопроносимым, хоть и непонятным именем. За такого бойфренда можно посоперничать с подругами. На таком хорошо оттачивать коготки. С таким протест против родительской опеки получает особую изюминку. Вот почему я, родная сестра, ну никак не могла пойти обедать с братом. Я пыталась контактировать, честно. Появлялась в его компании — хвост поджат, воспаленное чувство собственного достоинства за плечами топорщится и саднит. На пятой секунде понимала, что новые

подружки брата милы со мной по одной-единственной причине: каждая хочет через меня подобраться к нему.

Лучше обедать в туалете.

Я убеждала себя, что мне параллельно. На самом деле это было не так.

Роковой выпуск новостей перекрыл мне кислород. Одиннадцатое сентября случилось прошлой осенью, через две недели после начала учебного года. Еще две недели спустя на меня напали двое, когда я возвращалась из школы домой. Хуже нападения как такового было вот что: я далеко не сразу поняла причину. Несколько дней мне казалось, что причина какая-то сложносочиненная, глубинная. А вышло просто. Обычная ненависть, неразбавленная, слепая. Только и всего. Имелся бы какой-то внятный мотив — так нет. Двое последовали за мной, попытались удавить меня моим же шарфом. В голове не укладывалось, за что.

А просто так. Как я ни гнала такое объяснение, оно было единственно правильным.

От нашего последнего переезда я многого не ждала. А все-таки гадко — обнаружить, что новая школа не лучше прежней. Что *ничего* не лучше. Такой же тесный городишко, где население наблюдает арабские лица исключительно в теленовостях. Тьфу. Снова несколько выматывающих одиноких месяцев потребуются на то, чтобы освоиться в новой школе; на то, чтобы новые соученики поняли — я не представляю опасности, не несу угрозы. Снова предпринимать усилия, несоизмер-

ные результату (всячески выказывать дружелюбие, и, глядишь, найдется бесстрашная душа, рискнет сесть со мной в классе или в столовой, у всех на виду). Знаю, проходила. Школы разные, а везде одно и то же, хоть головой об стену бейся. Надоело. Лучше стать незаметной. Входить в помещение и не чувствовать, что на тебя пялятся, — вот счастье. Впрочем, одного взгляда на многолюдный кампус хватило, чтобы уяснить: не сложится. Здесь снова не сложится.

Потому что эти две тысячи старшеклассников — сплошные баскетбольные фанаты. Куда ни глянь, напорешься на постер; а над входом и вовсе баннер красуется, славит команду, которая в этом сезоне еще даже не играла. По стенам огромные цифры — обратный отсчет. Все, все следите, помните ежесекундно, сколько дней осталось до первого матча.

А я баскетболом вот нисколько не интересовалась.

У меня была своя арифметика. Я подсчитывала оскорбления. Сегодня уже четырнадцать штук насчитала. До сих пор ни на одно не сорвалась. Молодчина. Теперь бы добраться до следующего кабинета...

— Эй, ты! У тебя что, бомба под полотенцем?

Не реагируем. Идем дальше.

— Да какая бомба! Просто она лысая, потому и тряпку носит!

— Черта с два! Она пацан! Телкой прикидывается, в этом все дело!

— Вы, уроды! Пасти свои тухлые заткнули!

Вот и не выдержала. Трое заржали, громко поздравляя друг друга. Ну конечно, они ведь этого всплеска и добивались. Кто они, что́ они — я не видела. Специально не смотрела им в рожки. В голове крутилось: «Семнадцать. *Семнадцать* оскорблений». Я ускорила шаг, пришла в класс раньше всех и ждала в темноте.

Головной шарф — он как бы двухсторонний. С одной стороны, из-за него меня в основном и травят. С другой — окружающим невдомек, что я тайно слушаю музыку.

Под шарфом наушников не видно.

А музыка — она помогает. Под нее легче перемещаться по кампусу; под нее не так тошно сидеть одной. Никто не догадывается, что у меня плеер включен — значит, никто не требует его выключить. Сколько раз меня учителя отчитывали, а я не их слушала, а музыку. Она стала для меня чем-то вроде экзоскелета — поддерживала, когда собственные мои кости отказывались служить опорой. Айпод я стащила у брата еще в прошлом году, не успел он эту штуковину купить. В класс входила, словно под саундтрек к триллеру про себя саму. Как ни странно, было в этом что-то обнадеживающее.

Начался урок. Учитель распинался, как в телевизоре с выключенным звуком. Мысли блуждали. Я поглядывала на часы, мечтала смыться. Пустоты в голове заполняла сегодня группа «Fugees». Я вертела пенал, любовалась механическими карандашами. У меня к ним слабость. Четыре переезда назад была у меня подруга, она путешество-

вала по Японии и оттуда привезла хорошенький наборчик — разноцветные карандаши, с блеском, с очень тонкими стержнями, с прикольными ластиками, а на коробке нарисована овечка и написано: «Не раскрашивай меня только потому, что я овца». По-моему, очень необычно и остроумно. И вот вспоминала я тот набор и улыбалась, как вдруг меня толкнули в плечо. Причем довольно сильно.

— Чего надо?

Я почти крикнула — от неожиданности, конечно.

Развернулась и увидела парня с перекошенной физиономией.

— Чего надо? — повторила я, теперь уже раздраженно.

Он начал говорить, но я, понятно, его слышать не могла. Достала айпод из кармана и нажала на паузу.

— Ничего себе! — Парень смущенно улыбнулся. — Ты музыку тайком слушаешь!

— Ты что-то хотел?

— Нет, нет. Я случайно тебя зацепил. Книжкой. Извини, пожалуйста.

— О'кей.

Я отвернулась и снова включила музыку.

Все шло своим чередом.

Мое имя коверкали. Учителя не знали, куда меня определить. Математик, глядя мне в лицо, пять минут распространялся на тему «Не любишь Америку — катись откуда приехал». Я в это время таращила в учебник. Потом несколько дней квадратное уравнение из головы не шло.

Никто из ребят со мной так и не заговорил. Если не считать парня, случайно задевшего меня учебником.

Я сама перед собой притворялась, что мне параллельно.

Домой вернулась с чувством облегчения, но грустная. Ежедневное возведение стен вокруг собственного сердца ужасно изматывало, в конце дня я бывала как выжатый лимон. Меня даже трясло. Пыталась успокоиться, пока шла к дому. Только чуть высвободила голову из липкого, тяжелого тумана, как рядом затормозил автомобиль, и некая автоледи громко сообщила мне, что я теперь в Америке — значит, и одеваться должна, как принято в Америке. А меня только и хватило, что средний палец ей показать. Всю злость в школе израсходовала.

«Еще два с половиной года», — вот что вертелось в голове.

Вырваться из паноптикума, именуемого старшей школой, избавиться от чудовищ, именуемых почему-то людьми, можно будет только через два с половиной года. А до тех пор — терпеть это сборище идиотов. Потом, когда я поступлю в колледж, все наладится. Мне бы продержаться.

Глава 2

Родители у меня отличные, таких еще поискать. Гордятся своим иранским происхождением; гордятся тем, что вкалывают ради нас с бра-